

КАК ПОМИРАЛ ЯКОВ ВАСИЛЬИЧ

Ленька был последним дезертиром в семье, так строгий отец обозвал его в последний вечер, когда посидели за столом и вышли покурить на крылечко. Августовская ночь дышала запахами скошенных хлебов и засахарившейся на корню смородины с малиной в большом неухоженном саду за домом. Ягоду собирали, и большими кастрюлями на временной печке под сарайчиком мать варила всякую всячину, но год удался на садовые кустарнички, и ягода сыпалась прямо на землю к великой досаде отца, Якова Васильича.

– Где–нибудь люди бедствуют без сладкого, мясо разоставить нечем, а тут все под ноги. Несправедливо мир устроен.

– Да вы уж перестроили было, да ничего не вышло, – ущипнул его кум Прокопий. – Под коммунизм-то все сроки уходят, а каждому по потребности нету.

Отец не обижался, у них с кумом давний спор, да и не спор вовсе, а повод поговорить по серьезному вопросу, отец с войны партийный, а кум ему в оппозиции, правда, только кухонной, зная, что тобольский конвой шуток не любит, разбирались дома и тихонько.

– Вот ты сам и ответил, почему не дошли до коммунизма. Ты же не сказал, что надо каждому до невозможности работать, чтобы достигнуть, а начал с потребы. И кто тебе чего припас, если ты сам пролежал?

– Где это я пролежал, интересно знать? – вяло возразил Прокопий. Три стопки самогонки расслабили его, он уж и не хотел связываться, да отступить неловко, подумает Яшка, что крыть нечем. – На работу хожу, как все, плотничаю. Чего еще надо? Сказали бы прорабу, как этот коммунизм строить, мы бы его за сезон смаздрячили.

Отец сухо сплюнул, он всегда так реагировал на чью-то глупость, повернулся к Леньке:

– Не передумал еще на производство ехать?

– Нет, батя, не передумал.

– Плохо тебе дома?

– Батя, ну чего ты опять?

– Ладно, будет об этом. Хлын ты, и дезертир, последний с фронта бежишь.

Ленька уехал в Тюмень. Жил у товарища, работал на аккумуляторном заводе. После деревни было тошно, ненавидел очереди на остановках и толчею в автобусах, кругом все чужие, поздороваться не с кем. Платили хорошо, через полгода дали место в общежитии, вроде и в

транспорте стало свободнее. Ленька писал домой письма и получал короткие записки от матери, что все нормально, только отец хмурый, «уж хоть бы загулял, а то и самогонку гнать перестал». Отца было жалко, Ленька вырос около него, летом с трактора не слезил, в кабине и спал в ночную смену. Когда подрос, стал подменять батю, бывало, смену и пропашет, а отец в это время дома работу сделает.

Два старших брата после школы тоже в тракторной бригаде работали, а из армии домой не вернулись. Один махнул на Север и сейчас роет траншеи под трубопроводы, второй подался в военное училище и служит как-то странно, в письмах совсем ничего, только жив-здоров. Фотокарточку прислал, отец разобрать не мог, толи он в форме, толи в нижнем белье, погон нет, значков нет, не воин, а бич после вытрезвителя. Три года они не бывали дома, мать перестала плакать, отец тоже назвал хлыном и того, и другого, правда, заочно.

После смены Ленька, перепрыгивая через тонкие лужицы на асфальте, зашел в пивнушку. Пиво тут было получше, чем в других местах, может, потому что молодая девчонка торговала, не научилась еще жидким чаем разводить или пенной шапкой прикрывать недолив. Она три кружки, как положено, пускала по кругу, одну отталкивая клиенту, вторую доливая, а третья ждала своей очереди, опадала пена, потом на долив. Такого Ленька и ребята больше нигде не встречали, хотя знакомый по пивной Виссарионыч кивал, мол правильно делает, так и положено. Виссарионычем он не был, это прозвище дали за усы, как у Сталина. Такое впечатление, что он не выходит из пивной, разу не помнит Ленька, чтобы Виссарионыч отсутствовал.

Ленька взял пару кружек и поискал место за стойкой. Виссарионыч перехватил взгляд, кивнул, Ленька прошел к нему.

– У меня вобла есть, примыкай, – густо сказал Виссарионыч. – Любишь с воблой?

– Откуда! – хмыкнул Ленька. – У нас только карась, с вяленным карасиком пиво хорошо идет.

– Угости при случае. А пока соси воблу, деликатес.

Ленька помял во рту кусочек незнакомой рыбы, никакого удовольствия не испытал, но для уважения кивнул соседу, что хорошо.

– Карася скоро не обещаю, отпуск только зимой, а батю неловко просить, чтобы выслал.

– Он у тебя рыбак?

– Нет, дядя Проня рыбак, а батя на меня злится, что уехал из дому.

Виссарионыч важно отхлебнул пива и блаженно зажмурился. Ленька тоже пивнул и закашлялся, не в то горло попало. Помолчали.

– Отец-то старый?

– Старый, к полсотне.

Виссарионыч засмеялся:

– Полста для мужика не возраст. Не отпускал?

– Не то, чтобы... Не хотел. Нас трое, братьевьев, а они с матерью вдвоем остались. Скучно, наверное.

– Скучно в кино бывает, а им тоскливо. Тоска, милый мой, самая опасная для человека болезнь. С тоски мрут.

В пивной тихонько гудели мужики, пьяных не было, кружки звенели, и Настенька, так звали буфетчицу, почти не закрывала кран, наполняя кружки. Ленька на нее заглядывался, но боялся, все-таки городская, с которой стороны к ней? Виссарионыч спросил:

– Настена нравится тебе? Не темни, и мне нравится тоже, но я стар, а ты поактивней, посмелей. Настя! – крикнул он через весь павильон. – Свежую бочку открывать – меня позови!

– Позову! – крикнула в ответ Настя.

– Ты не спеши с пивом, пойдешь, поможешь ей, вот и познакомишься.

– Да ладно, – безразлично сказал Ленька и покраснел.

Ждать пришлось долго, Ленька совсем было собрался уходить, да Виссарионыч придержал, а потом и Настенька крикнула.

– Пошли! – скомандовал сосед и подхватил Леньку под мышки. – Мы тебе, Настена, вдвоем с другом поможем, друг у меня объявился.

– Знаю такого, частенько заходит. Ты кроме пива ничем не балуешься?

– Нет, что ты, Настена, он не балованный, сельский паренек, скромный.

– Ага, дядя Виссарионыч, все они скромные, пока не стемнело.

– Ты парня не смущай, он и так света не видит. Бери молоток, Леня, выбивай пробку.

Бочку вскрыли, она обдала ароматом свежего пива, жидкость метнулась было в отверстие, но Виссарионыч опытной рукой быстро заткнул его резьбовой пробкой насоса и провернул несколько раз.

– Готово, Настена, торгуй!

– Дядя Виссарионыч, по кружке за услуги.

– Не откажусь, спасибо, дочка. – И, отвернувшись от Леньки: – А к Лёшке-то присмотришь, паренек ладный, да и ты ему глянешься.

Настя потянула Виссарионыча за воротник, дыхнула в ухо:

– Пусть к закрытию подходит, к десяти, передай ему.

Ленька краснел и кивал головой, залпом выпил свежую кружку и побежал в общежитие. Помыться надо и приодеться, такая девчонка, и вроде как не зря присматривался.

На вахте ему молча сунули телеграмму. «Ленька, помирая, торопись, а то не захватишь. Отец». Он много раз перечитал две строки, вахтерша смотрела с сочувствием и молчала. Заскочил в комнату, переоделся, вспомнил о Насте, как о чем-то далеком и несбыточном, спустился на вахту, позвонил на вокзал, из-за утреннего дождя автобус в район не пойдет. Надо выбираться на выезд из города и ловить машину. Оставшиеся от аванса деньги сунул в карман пиджака.

Машин было мало, и они не останавливались. Ленька беспокоился, что стемнеет, тогда вовсе никто не посадит, он выскакивал на дорогу, но шофера мотали головой: не берут. Остановился «Урал», большая машина с огромным кузовом, в кабине трое.

– Тебе так быстро надо, что под колеса кидаешься? – беззлобно спросил водитель, стоя на подножке. – Куда тебе?

– В деревню под Гольшманово, батя при смерти, боюсь, не успеть.

– Ладно, залазь в кузов, там скамейка, только гляди, бочка может покатиться, дорога неважная.

В кузове грязно и много железа, бочка стоит в углу, рядом тяжелые ящики. Не глядя, сел на скамейку, машина тяжело шла по грязной дороге.

«До района доеду, а дальше пешком. Среди ночи какой транспорт... Придется стороной идти, по большаку замучаешься...».

Об отце думать боялся, никак не мог допустить, что тот беспомощен, он же сильный и молодой, зря ляпнул Виссарионычу, что старик. Ленька видел покойников и похороны в деревне,

это всегда событие, провожать все приходят. Но отец... Не может он помереть, никак нельзя. Леньке стало так тоскливо на душе, так больно, он заплакал, уткнув лицо в рукав пиджака. Машину тряхнуло, железо оглушительно сбрыкало, бочка подпрыгнула, ударившись о борт, свалилась на бок, крутнулась и скатилась к кабине. Ленька едва успел убрать ноги, вскочил, пододвинул к бочке ящик, успокоился.

Темнело, стало прохладно, Ленька пожалел, что в спешке не взял плащ, кутался в пиджачок, но тот не спасал. Машина вдруг остановилась, шофер высунулся в открытое окно:

–Айда в кабину, там смерзнешь!

Мужики сжались, уплотнились, кое-как сели. Ленька чувствовал себя неловко - стеснил людей.

– Тебе от трассы-то далеко?

– Пятнадцать.

– С отцом что случилось, болел, что ли?

– Нет, не болел вроде. Не знаю, мать писала, что он изменился, но не сказать, чтоб болел.

Они кричали, чтобы перекрыть гул мотора. Ленька вдруг вспомнил слова Виссарионыча про тоску, вспомнил и похолодел: тоска и сгубила его, а тоска потому, что Ленька уехал, совсем один остался батя. От этой догадки Леньке стало стыдно, как будто и впрямь его вина в смерти отца. Он отринул от дурных мыслей: «Обойдется все, батя, может, специально такую телеграмму дал, чтобы я приехал». Эта спасительная мысль ослабила сердце, он ловил ее и не отпускал, она согревала, давала утешение.

Мужики дремали, болтая головами и поминутно вздрагивая. Шофер не обращал внимания на товарищей, машину болтало по большаку, он ворочал баранкой, ставя ее на середину.

– Я тебя довезу до деревни, не переживай, нам все равно к утру надо быть в Ишиме, успеем.

Ленька кивал головой с благодарностью, не понимая, что шофер ничего не видит:

– У меня деньги есть, я заплачу.

– Ладно.

Свернули с большака и поехали лугом, привыкший к тряске, сидевший рядом с Ленькой проснулся:

– Ты, Филя, все-таки поехал?

– Дремай, – посоветовал шофер.

– У тебя подремлешь! Я бы лучше в вагончике покемарил, а не в этом гробу.

Ленька вздрогнул от страшного слова.

– С тебя пузырь, – мужик повернулся к Леньке.

– У меня деньги есть, я рассчитаюсь.

– Деньгами пьян не будешь, ты пузырь ставь.

– Найдем, у матери есть, – ему хотелось, чтобы мужик замолчал. – «Если отец плох, то действительно, мать припасла».

– Ты всегда матерью зовешь? – спросил шофер. – Мамой надо звать, мамой, и никак больше. Понял?

– Я зову.

– Ну, как же? Сейчас назвал матерью.

– Так за глаза.

– Все равно! Мама! По-другому никак нельзя.

Беспокойный мужик добавил:

– Ты вот к отцу едешь, а он мать схоронил месяц назад, потому и вспомнил, как надо звать. Раньше тоже не особо знал.

Шофер взревел:

– Да замолчишь ты, наконец!?

– Молчу! – мужик уткнулся носом в плечо спящего соседа.

У деревни шофер остановил машину, сказал, что дальше не поедет, не хочет улицу раздавить. Ленька вытащил деньги из кармана и протянул шоферу десятку. Тот отмахнулся и велел скорее вылезать. Мужик проворчал, что остались без водки. Ленька спрыгнул на землю и поскользнулся на липкой грязи. Машина обдала его несгоревшей соляжкой и ушла в темноту.

В ограде дома горел свет, Ленька перебежал на другую сторону улицы, чтобы сразу увидеть ворота, если они открыты, то все... Совсем не к месту вспомнилась поговорка «Пришла беда – открывай ворота». Вот почему в таких случаях ворота открывают, чтоб все знали, что в этом доме горе. Тесовые ворота были закрыты, сквозь щели высохших досок выбивался свет со двора.

Мать вышла сразу на стук калитки, видно и не спала, Ленька остановился в потерянности, мать заплакала:

– Третью ночь не спит, мается.

– Медичку вызывали?

– Была, да толку-то... Говорит, надо в район везти, а он запретил. Айда, он ждет.

Отец лежал на большой семейной кровати, да и не лежал, а полусидел на высоких подушках, глаза открыты, тихий ночничок едва светит.

– Батя! – Ленька упал на колени. – Ты чо надумал, тятя? Ты чо?

Отец повернул голову:

– Ленька. Приехал. А братовья?

– Нету их, отец, емя дальше ехать, – сказала мать.

Яков Васильич кивнул:

– Не успеют. Буду без них помирать.

– Тятя!

– Мать, покорми парня с дороги, я отдохну.

Какая еда? Леньку трясло, как в лихорадке, мать налила ему полстакана водки, он выпил немного, занюхал соленым огурцом.

– Я боюсь, мама, – сказал он виновато.

– Да чо уж там, не чужой, своя кровь. Не бойся.

Они опять вошли в комнату, отец кивнул:

– Садитесь рядом. Феша, ты помнишь, как я на тебе женился?

– Дак нюшь, помню. К чему это ты?

– Расскажи.

– Ну вот, придумал.

– Расскажи.

– Ну, пришел с фронта, на сеномётке увидел меня, узнал, я тогда совсем молоденькая была, ночью постучал в окошко да и увел.

– А Тришка–бригадир правда баловался с тобой?

– Ну вот, придумал. – Она смутилась, посмотрела на сына. – Домогался, дак ведь ты знашь, что ничо не было.

– Домогался... Ладно. Ты иди, мать, я с сыном...

Ленька сидел на стульчике рядом с изголовьем, слышал тяжелое дыхание отца, лежащим рядом рукотертом вытер пот с его лба.

– Водку пил? – неожиданно спросил отец.

Ленька испугался:

– Мама налила, глонул.

– Ленька, слушай и братовьям скажи: пить можно, только ум не надо пропивать. Бойся.

Он помолчал. Залетевший на свет комар звенел над ночником одиноко и тонко. Ночная прохлада вытягивала из комнаты тепло, оно уходило неохотно, прощально шевеля занавески на окнах.

– Ленька, у меня в груди все сожгло, на работе схватило, кое-как домой пришел. Про мать ты не думай, на ней греха нет, я грешен, доводилось с бабами вошкаться. Еще, сын: не ври никогда, соврать порой выгодней, а ты не ври. Обожди...

Он закрыл глаза. Ленька опять вытер холодный пот с отцовского лба. Кукушка из кухонных часов прокричала три раза. Мать не заходила.

Отец вдруг приподнялся, обеими руками ухватил Ленькины руки, сжал их крепко:

– Ленька, запомни, нет правды на земле! Я знаю, я всю жизнь верил и гордился, что знаю правду, а ее нет. Запомни!

Он откинулся на подушки и затих. Ленька не сразу понял, что отец умер, а когда понял, то не испугался, даже сам себе удивился, что страха нет, провел ладонью по его влажному от пота лбу, как видел в кино, и молча благоговейно смотрел в родное лицо. Мать вошла и вскрикнула, Ленька предостерегающе поднял руку, нельзя кричать и плакать, это он точно знал. Мать села на край кровати и не вытирала слез, они так и капали на расстегнутую отцовскую рубаху.